

Красько Ольга
(актриса)

211205

ОЛЬГА КРАСЬКО:

Культура. — 2005. — 15 — 21 дек. — С. 12 Моя стратегия — интуиция

Актерская карьера Ольги КРАСЬКО — это 5 лет работы в театре Табакова и неплохая коллекция киноролей в фильмах “Неудача Пуаро” Сергея Урсуляка, “Турецкий гамбит” Джаника Файзиева, “Папа” Владимира Машкова... Стремительный старт 23-летней актрисы объясняется не только ароматом свежести, который привносит в визуальный ряд ее “ускользающая” красота, но и тем, что она умеет делать в профессии и что позволяет ей всегда на равных работать в компании звезд первой величины.

— Оля, что вам, театральной актрисе, открыло дорогу в кино?

— Олег Павлович Табаков и моя первая работа в чешском сериале, которая, возможно, будет иметь продолжение. Сериал, который имеет в Чехии большой рейтинг, снят по документальным историям из жизни жан-дармов. По сути, это был многосерийный художественный фильм, в котором собрали практически всех чешских звезд. Так что мой дебют в одной из центральных ролей состоялся в блестящем окружении.

— Как вас нашел чешский режиссер?

— Антонин Москалек обратился к Табакову, который у него когда-то снимался, за кандидаткой на роль русской. В Чехии Олег Павлович известен почти так же, как в России, — его помнят еще по Хлестакову, которого он играл на пражской сцене. Олег Павлович выслал ему несколько фотографий, выбрали мою.

— А где вас увидел Урсуляк?

— Как гласит легенда, — в зрительном зале, на показе его дочери, которая училась на курс младше меня. Не зная даже, что я актриса, он решил, что лицо это надо снять. В “Пуаро” я пробовалась на обе женские роли. Потрясающие пробы! Когда я вижу, что человек во мне заинтересован — ведь не факт, что он меня возьмет, но он заинтересован, рассказывает, чего от меня хочет, чтобы была именно я, — возникает желание сделать максимальное, начинаешь испытывать к нему стопроцентное доверие.

— Это была ваша первая роль в российском кино?

— Да! У меня пока их не так много. В “Турецкий гамбит” я попала благодаря тому, что Джаник Файзиев увидел меня у Урсуляка, случайно проходя мимо монтажной. Почти параллельно с Джаником была работа у Володи Машкова.

— Какие человеческие открытия произошли у вас на “Гамбите”?

— Там была уникальная съемочная группа. Мы с Егором Березовым проехали в Болгарию, где снимался фильм, больше времени, чем другие, и лучше других узнали и нашу, и болгарскую части группы. Со стороны кажется: ну мало ли хороших команд? Но вот болгары, у которых очень часто снимают и голливудские, и итальянские фильмы, расставаясь с нами, плакали: “Мы работаем уже двадцать лет, но такой команды ни разу не было”. Редкое совпадение талантливых и добрых людей. Джаник — невероят-

но тонкий человек: на съемки все время приезжают разные люди, и он всегда знает, на какую ноту надо нажать, чтобы сложился оркестр. Неформальное настроение в съемочной группе всегда зависит от режиссера. Для меня это был и новый профессиональный этап: полгода нахождения в материале, по двенадцать часов в сутки — это гораздо дольше, чем репетиция спектакля!

— Возросла ли “стоимость” киноактрисы Красько после “Турецкого гамбита”?

— Раза в три. Но это никак не отразилось на моей стоимости в театре.

— У вас есть какая-то стратегия построения карьеры?

— Одна актриса старшего поколения, с которой мы ехали на гастроли, стала мне говорить: “Когда я была молодая, не думала о карьере, влюбилась — и любила наотмашь, зря я это делала. А вы сегодняшние — такие молодцы, что думаете о карьере!” Я ей тогда ответила: “А вы знаете, что я в институте влюбилась так, что обегала с репетиций?! Не могла репетировать и ни о какой карьере не думала”. Не считала, что карьеру можно сознательно выстроить. При всей продуманности карьеры Милы Йовович ее успех — во многом счастливая случайность. У меня даже агента пока нет, хотя это вакантное место пытаться занять многие. Агентом все-таки должен быть друг — опытный в своей профессии, но при этом не менее важно, чтобы он очень хорошо знал мою актерскую природу, наблюдал за профессиональным ростом, чтобы он не был агентом у других актрис моего типажа. Человек, который хорошо знает мой распорядок дня, не может быть “чужим дядей”, который будет только деньги за меня просить.

— Является ли стиль одежды частью профессиональной стратегии актрисы?

— До недавнего времени я не думала о стиле, хотя в магазинах подбирала для себя что-то с трудом. А летом, когда снималась в роли модели в новгородном развлекательном фильме, попросила друзей познакомить меня с настоящей моделью. Оказалось, что Ксения Килапти, бывшая манекенщица, сегодня стала кутурье со своим кругом клиентов. И она сразу обратила мое внимание на то, что я одета непродуманно — пришла на встречу с ней в кафе как на репетицию. С тех пор она отвечает за то, как я одета.

— Наверное, у вас все же есть

О. Красько

стратегический взгляд на построение своего профессионального имиджа... Как решаете вопрос об участии или неучастии в том или ином проекте?

— Я для себя еще с институтских времен определила завышенную планку — не участвовать ни в сериалах, ни в рекламе. Но — никогда не говори “никогда”! Я все-таки работала в “Есенине”, “Охоте на изюбря” — у меня там совсем крошечная роль стюардессы — три слова в одной сцене, три слова — в другой, но эти эпизоды все хвалили. У меня на самом деле нет никаких “заборов”, за которые я не захожу. Единственная стратегия — интуиция. Были предложения в кино, которые, при отсутствии явных причин отказываться, вызвали сомнения, и — не случалось (либо проект закрывался, либо я им не подходила), а когда чувствую, что мое, — обычно случается. Так было и с “Охотой на изюбря” — сразу поняла, что мое, хотя, прежде чем согласиться, сказала режиссеру, что мне необходимо видеть, как я буду одета, и знать, что происходит до и после меня. А сначала мне даже было смешно: какая я “женщина-мечта” в маленьком эпизоде?

— У вас ведь есть и вторая роль “женщины-мечты”? — Зоси Синицкой в “Золотом теленке”?

— В фильме Ульяны Шилкиной у меня были потрясающие партнеры: Леша Девотченко (сыграл Корейко — удивительно тонкий актер!) со своим специфическим питерским чувством юмора заставлял меня хотеть до изнеможения. Когда снимали сцену его объяснения (помните: “Не то чтобы я немолод, но и не стар, а время идет...”), я, не будучи в кадре, но сидя напротив, чтобы помочь ему своими репликами, только мешала — хо-

тала так, что пришлось зажевать скатерть. Впрочем, там даже оператор смеялся и камера тряслась. Самого Девотченко обычно расколоть трудно, но тут сразу снять удалось только благодаря его силе воли. Поехало поработать с Олегом Меньшиковым. Мне нравится его “закрытость”, о которой так много говорят, — он не целуется со всеми до и после дубля, как другие актеры. Были сцены, которые мы придумывали с ним вместе. Кстати, в одну из версий фильма (если их будет две: теле- и кино-), возможно, войдет эпизод из черного варианта “Теленка”, в котором мы с Олегом играем сцену символического свадебного обряда (правда, без ЗАГСа, без фаты), хотя Бендер до последней минуты колеблется.

— В одном из ваших интервью вы сказали, что, будучи абитуриенткой, о театральной жизни ничего не знали, а к Табакову пошли поступать только потому, что фамилия знаменитая.

— К поступлению я не очень готовилась, у меня не было большого репертуара, даже толком не знала, что надо для того, чтобы поступать. Просто решила попробовать: если бы не получилось, я бы больше и не пыталась.

— На каком этапе пришло осознание того, что выбор профессии неслучаен?

— Когда я поступила, то поняла, что раз уж поступила, то все, что можно из этого взять интересного, максимально выжму.

— Вы, наверное, и в школе хорошо учились...

— Да, хорошо. Я не очень педантичный человек, но очень ответственный. Я — дотошная. Для творческой профессии это не очень хорошо. Сама я, наоборот, люблю людей безот-

ветственных и легкомысленных. Но вряд ли когда-нибудь смогу принадлежать к их числу.

— Как родители отнеслись к вашему выбору? Они ведь не из артистической среды...

— По профессии они — инженеры, но оба работают не по специальности. Пока была маленькой, не отдавала себе отчета в событиях, происходящих в стране, а сегодня понимаю, что так они “выживали” во время перестройки. Родители мне давали большую свободу. Даже когда у нас в школе, скажем, отправлялись компанией туристов в районы, граничащие с “горячими точками”, родители, хотя и были против, не позволяли себе запрещать.

— Вы чувствуете конкуренцию со стороны актеров вашего поколения?

— В театре у нас никакой конкуренции нет. В моем отношении к конкуренции есть парадоксальный момент: если я понимаю, что человек талантливый и сильный, чувствую радость от того, что это есть, всем кричу, что он — талантлив. С такими людьми я не соревнуюсь, они совсем отдельные. А люди, в которых я вижу конкурентов, по общему мнению, не стоят того, чтобы с ними соревноваться. Но особая конкуренция, наверное, есть у всех людей в отношении тех, с кем ты начинаешь.

— А с кем начинали вы?

— На моем курсе имен, успевших стать знаменитыми, не было. А вот следующий после нас курс был “звездным” — Саша Урсуляк, Даша Мороз, Сережа Лазарев из “Смэша”, Даша Калмыкова, которая много работает в МХТ. Мои бывшие сокурсники — почти все в МХТ, по кино совсем неизвестны, может быть, потому, что в МХТ столько работы! Тем не менее самые талантливые, на мой взгляд, люди оказались неустраиваемыми. Это — Надя Винокурова, очень трудно вписываемая в наше время — и по физическим, и по личностным данным, с немислимой глубиной, повышенной требовательностью к себе, которой нужен совсем особенный режиссер. Также пока не сложилось у Саши Стефанцова: он — вещь в себе, постоянно играющий, мгновенно придумывающий интермедии и сразу в них существующий, получается дико смешно! С нами училась еще и рижская группа, у которой был контракт с Театром русской драмы в Риге; в течение всего времени обучения оттуда внимательно следили за их успехами. Сегодня они — главный состав этого театра и “звезды” тамошнего кино.

— Ваша театральная карьера началась еще на первом курсе института — в дуэте с Андреем Смоляковым вы играли на сцене Табаковки в спектакле “Отелло” по Стриндбергу...

— Это была действительно большая роль. Спектакль уже сняли, как и

многие другие с моим участием — “Долгий рождественский обед” Карбаускиса (спектакль, наверно, не очень понятный для зрителя), “Опасные связи”... Хотя для меня это уже пройденный этап, я скажу по этим работам. Сегодня в театре у меня никакой большой роли нет. Правда, в конце прошлого сезона мы сделали спектакль “Блюз толстяка Фредди”, в котором, кажется, мне есть что показать, есть на чем развернуться, по крайней мере.

— Как актриса театральная, вы подвергаете свою работу сомнениям: сегодня — получилось, а вчера — недотянула?

— В моей тетрадке, куда я пишу тексты ролей, после каждого текста оставлено несколько пустых страниц, на которых я регулярно, с указанием даты, записываю себе рабочие замечания после спектакля. Хотя я уже научилась работать сама, но это — так страшно! Когда чувствую, что с первых моментов режиссер попадает, я доверяюсь ему полностью. Он обычно не знает меня и “достает” то, что ему нужно: это и есть залог того, что будет что-то “не мое”, а что-то “его со мной”. А когда у меня огромные сомнения по поводу режиссера, я начинаю работать сама. Страшно ругаюсь с ним, если он не берет меня в свои руки, не говорит: “Делай так” или “Это ты делаешь плохо, а это — хорошо”, — вообще ничего не говорит. (Так мы репетировали с Дрозниным “Блюз толстяка Фредди”) Нужно, чтобы человек со стороны тебе что-то подсказывал! Когда этого нет, то первое, что ты делаешь, — повторяешь то, что уже делал. А это самое неинтересное, и ты самостоятельно стараешься найти в себе что-то новое. Поэтому, чтобы роль оставалась живой, мне ничего не остается, как все это записывать, разбираться сама с собой.

— Ваш актерский почерк — пастельные тона и в то же время графически выразительный рисунок. И всегда чувствуешь, что вы играете с отдачей и удовольствием дебютантки, взалел. Пятилетний опыт не сделал профессию привычкой...

— Я сразу поняла, что эта профессия дает возможность все время что-то открывать (до меня это уже было сто раз открыто, но когда ты открываешь сам — это как игра в рулетку: хочется еще дальше, еще больше, такой азарт; и, конечно, успех дает возможность еще больше повышать ставки). Внутренние открытия — это, конечно, твои “домашние радости”, их трудно объяснить. Каждой новой работы я и боюсь, и в то же время надеюсь, что это будет нечто, чего никогда еще не было.

Беседу вела
Светлана ПОЛЯКОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ